

Человек, как любая система в мире, склонен к равновесию, к состоянию покоя, к ясности. Поэтому, познавая бытие, человек создает себе устойчивые опоры, схемы. Древние манускрипты описывают мир водруженным на трех китах, свою систему мироздания рисует Птолемей, свою — Коперник, возникают формулы Ньютона, Эйнштейна и его ниспровергателей, которые жаждут определенности. А истина, как всегда, сложнее любой формулы. Но формулы необходимы, без формулы предыдущей не возникнет формула последующая, кажущаяся нам более точной, более справедливой.

В конце прошлого века, когда в мире торжествовал позитивизм, проникший и в гуманитарную культуру, давнее высказывание Гете о тридцати шести сюжетах попало на глаза французскому литературоведу Жоржу Польти.

Круг его научных интересов определяли проблемы литературной теории и психологии творчества. Он был автором книг [^]"Искусство изобретать персонажи", "Теория темпераментов", "Наука жеста"... Заинтересовавшись сюжетом с тридцатью шестью сюжетами и решив проверить выкладки писателей, Польти изучил около 1200 литературных произведений (в основном драматургических), исследовал судьбы более восьми тысяч персонажей...

В результате получилась книга, которую Польти так и назвал — "Тридцать шесть драматических положений" ("Les Trente-six Situations dramatiques"). Впервые она вышла сто лет назад, в 1895 году, а затем, дополненным изданием, — в 1912-м. На русский язык не переводилась, но москвичи, приложив некоторые усилия, смогут отыскать ее в крупных библиотеках столицы (правда, в РГБ так называемой Ленинке, руководствуясь непонятым — или слишком понятным — принципом, ее, как и многие иностранные книги, сослали в Химкинское хранилище). Возможно, есть монография Польти и в других крупных российских городах.

В чем же интерес этой книги?

Во-первых, она восхищает своей смелостью, ибо творческий процесс не столь рационален, как это представляется Польти. Между тем, что хотел сказать писатель, и

тем, что сказалось, — огромное пространство, пронизанное токами интуиции, окруженное непроницаемыми туманами тайны. Но даже предполагаемая неудача в такой рационализации поучительна: недаром Блок говорил о "спасительном яде творческих противоречий".

Во-вторых, книгу эту вовсе не обязательно использовать как рецептурный справочник для беллетристов. Она — пособие для изучающих литературу и жизнь!

И наконец. Сюжет (драматическое положение) — очень нежный компонент художественного произведения. Трудно не согласиться с Луначарским, в свое время представившим исследование Польти русским читателям: в творчестве "изобретение играет лишь кажущуюся роль, свободная фантазия есть лишь признак слабого разумения сценической задачи". Писатель "фактически может лишь комбинировать известные объективно данные положения". Другими словами то же выразил Тургенев: талант — это подробности. Десять цифр, три десятка алфавитных букв — и необозримость из сочетаний!

Да, число "тридцать шесть" во многом условно. Но в нем есть некая здравая мера, что, может быть, по-своему подтверждает знаменитый цикл цветных ксилографии японца Хокусая "Тридцать шесть видов горы Фудзи". "Главная задача японского художника заключалась в том, чтобы выразить определенное эмоциональное состояние, определенное настроение радости, печали или легкой лирической грусти. Отсюда кажущееся однообразие сюжетов японской ксилографии, — пишет искусствовед В.Турюва. — В одном и том же сюжете — пейзаже или театральной сцене — художники умели передать бесконечное разнообразие настроений, уловить мгновенное состояние человеческой души".

У другого великого японца, поэта XVII века Мацуо Басе, есть трехстишие, хайку (хок-ку), в котором также, мне кажется, можно усмотреть художественно воплощенную мысль о сюжете в произведении:

Туман и осенний дождь.
Но пусть невидима Фудзи,
Как радуется душе она!

(Пер. В. Марковой)

Как в гравюрах Хокусая, так и у Басе, выражено убеждение, что Фудзи важна не сама по себе, она важна как собирающая, объединяющая сила.

Стелется по ветру Арш над вершиной Фудзи, В небо уносится И пропадает бесследно, Слово кажет мне путь, — гласит пятистишие, танка, еще одного японского гения, Сайге (XII в.; пер. В. Марковой).

Нет, "тридцать шесть драматических положений", обозначенных Польти, не станут в нашем путешествии в мире сюжетов и характеров обязательной картой для неуклонного

Пусть невидима Фудзи

Автор: Administrator
02.04.2012 00:00 -

движения. Но сверяться с ними будем. Они — как дым над вершиной Фудзи, как дым, увиденный с моря Одиссеем,— признак земли, некогда родимой.

Даже изменяющееся, даже изменившееся — узнать.

Сергей ДМИТРИЕНКО